

Глава 10. Великий пир в честь Дня рождения Императора

Госпожа маркиза Динъюань слегла. Болезнь нахлынула внезапно и яростно, и всего за несколько дней она так исхудала, что щёки её впали, и она не могла подняться с постели.

Жун Цунцзинь, не снимая одежды, несколько дней ухаживал за ней. Принцесса-консорт наследного принца, Шао, несколько раз приглашала его в Восточный дворец, но он вежливо отказывался.

«Гу Чжао, должно быть, совсем понурый, даже его ясные щенячьи глаза потускнели», — с тихим вздохом подумал Жун Цунцзинь, но тут же опомнился. Взяв чашку с узором из лотосов, он поднёс фарфоровую ложечку к губам матери.

— Выпейте ещё немного.

— Слишком горько. Оставь, — госпожа Динъюань, полулежа на двух мягких подушках, расшитых золотыми нитями, всё время соскальзывала вниз. Би Тао пришлось сесть на край кровати, чтобы поддерживать её. Голос госпожи был хриплым, а взгляд — мутным и безжизненным.

— Если не пить лекарство, как же вы поправитесь? — с тревогой сказал Жун Цунцзинь, снова поднося ложку с тёмным отваром к её губам.

— Какая разница, поправлюсь я или нет? Всё равно я ничего не решаю, — усмехнулась госпожа Динъюань. — Ни старший, ни младший меня не слушают. Я же говорила, что этот брак невозможен, а этот непослушный сын посмел за моей спиной дать ответ наследному принцу. Хорош сынок, хорош.

— Нет у меня такого сына! — заскрипела зубами госпожа Динъюань и с силой отшвырнула ложку. Лекарство пролилось на шёлковое одеяло, оставляя тёмное пятно.

Жун Цунцзинь устало вздохнул. Жун И ни в чём не был виноват. Уже несколько дней после службы он приходил к её покоям и на коленях просил прощения. Хорошо, что он был воином и тело его было крепким.

— Матушка... этот брак не так уж плох для меня. У молодого господина Юй ещё до свадьбы были наложница и незаконнорожденный сын. Мы бы стали несчастной парой. Зачем губить судьбу молодого господина Юй?

— К тому же, мне действительно нравится Шестой принц, — снова попытался убедить её Жун Цунцзинь. — Брат спросил моего мнения, и я сам согласился.

Отец не приходил в его двор Хэнчжи, и Жун Цунцзинь смутно догадывался, что маркиз

Динъюань хотел, чтобы он женился на брате наследного принца. В этом деле не было места для торга или компромиссов. Один неверный шаг — и весь род Динъюань окажется под угрозой. Маркиз уже сделал свой выбор. Жун Цунцзинь всё понимал и не винил отца в жестокости. У него просто не было другого выхода...

Госпожа Динъюань искоса взглянула на него, затем снова уставилась на резной узор на столбике кровати.

— Я устала, — тихо пробормотала она.

Несколько дней назад она считала третьего господина Юй недостойным, хотела расторгнуть помолвку и найти лучшего жениха. Но по сравнению с безумным Шестым принцем, господин Юй, красивый и статный, как нефритовое дерево, казался идеальным зятем. Какая разница, есть у него наложница или незаконнорожденный сын...

По крайней мере, он был в здравом уме! И сдал экзамены, став одним из немногих молодых талантов. Только такой изысканный и образованный юноша мог быть достоин её Цзинь-эра.

Служанка принесла новое одеяло. Би Тао помогла госпоже лечь. Сцепив руки, та продолжала неподвижно смотреть на потолок кровати.

— Госпожа, из Восточного дворца прислали много сезонных подарков, — доложила вошедшая служанка, ничего не подозревая.

Жун Цунцзинь почувствовал неладное. Он взглянул на мать. На её бледном лице проступил нездоровый румянец. Слово «вон» застряло у неё в горле, и она не осмелилась его произнести. Вонзив ногти в ладони, она чуть не раскрошила зубы, и лишь спустя долгое время, подавив бушующую в душе ярость, выдавила:

— Хорошо, очень хорошо.

Служанка радостно удалилась.

Госпожа Динъюань, сжав кулаки, задрожала всем телом, а затем её глаза закатились, и голова безвольно склонилась набок.

— Матушка!

— Госпожа!

...

— У госпожи жар от гнева, кровь застаивается в жилах. Я уже несколько дней назад прописал ей отвар для успокоения сердца из коптиса, жимолости и вайды, но он не помогает, — сказал императорский лекарь, поглаживая свою трёхдюймовую серебряную бороду и качая головой. — Лекарство лечит тело, а душевные узлы нужно развязывать самому.

— Если госпожа и дальше будет так терзаться гневом, то инь возобладает над ян, и боюсь, я... буду бессилён, — осторожно произнёс императорский лекарь в восточном крыле дома.

Пульс госпожи с каждым днём становился всё слабее и чаще. Это был признак угасания жизненных сил.

— Выпишите рецепт, — сказал маркиз. В его голосе слышалась глубокая, нерассеивающаяся печаль. Слуга принёс письменные принадлежности.

Лекарство становилось всё гуще.

Шестое число третьего месяца, великий пир в честь Дня рождения Императора.

В день рождения Его Величества все сановники подносили ему чаши с вином в знак долголетия. Был объявлен запрет на убой скота и устроен пир.

Три дня не было утренних приёмов. Князя и министры поздравляли императора во дворце Чуйгун с полудня и до наступления сумерек, зачитывая списки поднесённых даров.

Затем император переместился во дворец Цзычэнь, где устроил пир для сановников и их семей.

Канцлер, князя и ключевые министры с семьями вошли во дворец, за ними последовали иностранные послы. Представители тюрков, тибетцев, уйгуров и других народов заняли свои места.

— Прибыл род маркиза Динъюань! — громко объявил церемониймейстер.

Жун Цунцинь вошёл во дворец Цзычэнь вслед за отцом и братом. Мать была больна, поэтому от их семьи присутствовали только трое мужчин. На нём было одеяние из шёлка цвета пыли, а на плечи небрежно накинут палантин из газовой ткани, лёгкий, как лунная тень. На концах палантина висели подвески из золота и нефрита. В его тёмных волосах, собранных в высокую причёску, была лишь одна шпилька с синим фениксом и кисточками. Золотые нити кисточек, свисая, касались его сияющей кожи, когда он поворачивал голову или опускал взгляд, и сверкали ослепительно.

Гу Чжао, сидевший на своём месте, услышав объявление, тут же обернулся и, высунувшись, с нетерпением стал вглядываться в проход дворца Цзычэнь. Его ясные глаза сияли от радости.

Наследный принц: «...»

— Кхм, — кашлянул он. Что за непристойное поведение.

Гу Чжао надул губы и что-то пробормотал себе под нос, но всё же сел обратно. Он опустил голову, делая вид, что ведёт себя прилично, но его взгляд неотрывно следовал за подолом одеяния цвета пыли.

Подол остановился. Он сел.

Гу Чжао с надеждой поднял голову. Жун Цунцзинь сидел позади отца и брата, как раз напротив него. Он кивнул ему и едва заметно улыбнулся.

Забили барабаны, заиграла небесная музыка. В сердце Гу Чжао расцвели сто цветов, и он мгновенно повеселел. Словно певчая птичка на ветке, он щебетал в своей душе, не в силах сдержать радости и желания рассказать о своих чувствах. Его взгляд засиял, и если бы не наставления наследного принца, он бы уже подбежал к Жун Цунцзиню и спросил, как у него дела.

Он каждый день пил много чая из зимних цветов.

Взгляд Гу Чжао откровенно прилип к Жун Цунцзиню, но на таких пирах был строгий порядок. Гости сидели по разные стороны, каждый за своим маленьким золотым столиком.

Гу Чжао, как принц, сидел слева во главе стола. Род Динъюань, как один из самых знатных военных кланов, — справа во главе.

Все сидели на своих местах и по очереди поздравляли императора. Гу Чжао сидел среди принцев. Его братья ломали головы, как бы получше поздравить отца, и, зная, что Гу Чжао безумен, никто с ним не разговаривал.

Жун Цунцзинь не смел вести себя слишком вызывающе. Увидев, что Гу Чжао выглядит здоровым и полным сил, он успокоился и, опустив голову, старался не встречаться с ним взглядом.

Но Гу Чжао это было неважно. Он был счастлив уже оттого, что видел Жун Цунцзиня. Это было как в прошлом: он мог тайком смотреть на его изящную, стройную фигуру, представлять его голос, похожий на пересыпающиеся жемчужины, и его лёгкую, но такую нежную улыбку.

Одной встречи ему хватит на полгода воспоминаний.

Гу Чжао глупо и восторженно улыбнулся, совсем забыв о том, как он несколько дней ждал в резиденции наследного принца, а Жун Цунцзинь так и не пришёл.

Императору было всего за пятьдесят, но его виски уже поседели, а спина ссутулилась. Разгульная жизнь истощила его тело, но выглядел он бодро. Слушая нескончаемые поздравления от сыновей и министров, он довольно кивал.

Четвёртый принц, большой мастер лести, когда подошла его очередь, встал, поклонился и громко произнёс:

— Сын поздравляет отца с долголетием, желает ему сиять, как солнце и луна, а нашей великой династии Цинь — процветания и благополучия.

Он махнул рукой, и несколько стражников с трудом внесли во дворец изваяние горы из белого нефрита «бараньего жира» высотой в половину человеческого роста, изображавшее луну среди сосен. Самым удивительным было то, что вся композиция была вырезана из цельного камня и выглядела так, будто создана самой природой, без малейшего следа резца.

— Отец, это в прошлом месяце дровосек в горах Хойчжоу рубил дрова и вдруг увидел, как огромный камень раскололся, и внутри него засиял белый нефрит. Он счёл это знамением. Наместник Хойчжоу немедленно отправил его во дворец в качестве дара к вашему великому празднику.

— Хорошо! — Старый император был так доволен, что морщины на его лице разгладились. Он велел поднести изваяние поближе. Увидев на ветвях нефритовой сосны узор, похожий на летучую мышь — символ счастья и долголетия, — он пришёл в неопишуемый восторг.

Он уже несколько лет принимал различные эликсиры бессмертия в надежде на вечную жизнь, но иногда чувствовал упадок сил. Это нефритовое изваяние было добрым знаком. Он непременно будет жить вечно.

Сидевший ниже седьмой принц дёрнул бровью. Все их дары были уже представлены во дворце Чуйгун, он и не знал, что четвёртый брат приготовил ещё один. Похоже, в этот раз он останется в тени.

Слуга дважды тихо позвал Гу Чжао, прежде чем тот, подняв свой инкрустированный золотом стеклянный кубок, неуклюже встал и, обращаясь к императору, произнёс:

— Отцу-императору здоровья в День рождения.

— М-м, — безразлично кивнул император. Гу Чжао осушил кубок и снова сел, уставившись в

сторону Жун Цунцзиня.

Седьмой принц с облегчением вздохнул. С таким дураком он по крайней мере не будет выглядеть слишком бледно.

Пир состоял из девяти смен блюд: пять до перерыва и четыре после. В перерыве можно было переодеться и украсить причёску цветами.

При каждой смене император поднимал кубок, и все сановники поздравляли его. Подавались изысканные яства, фрукты, и даже кубки и тарелки были разными.

Танцы и музыка также менялись с каждой сменой, не давая гостям заскучать.

После пятой смены блюд наступил перерыв. Заиграла медленная мелодия, и сотни танцовщиц из дворцовой труппы в платьях из парчи с золотым шитьём исполнили танец «Собирательницы лотосов».

Вместо прежних кубков подали кубки из сплава в форме нарциссов, а в них — изысканное вино, настоящее на цветах сливы. Мясные блюда убрали, и на их место поставили пирожные «сладкая роса из личи», жареные грецкие орехи и десерт «хрустящий цветок яблони в меду».

Жун Цунцзинь прикинул время, помешал золотой ложечкой десерт в меду и медленно встал.

Гу Чжао, который ни на секунду не сводил с него глаз, тут же поднял голову и уставился на него.

Жун Цунцзинь сохранял невозмутимое выражение лица, словно не замечая чужих взглядов. Лишь зрачки его скользнули влево и вниз. Он сделал два шага назад, и слуга тут же проводил его через боковой коридор из дворца Цзычэнь.

Гу Чжао видел, как его длинное одеяние волочится по полу, видел его тонкую талию и стройную, гордую спину. Его походка была лёгкой и изящной, словно плывущее облако. Подперев щеку рукой, Гу Чжао замороженно смотрел ему вслед, его взгляд затуманился, и он, погрузившись в свои мысли, вдруг глупо хихикнул.

Наследный принц, видевший манёвры Жун Цунцзиня, повернул голову и обнаружил, что его глупый братец всё ещё сидит за столом, пьёт вино, ест сладости и самозабвенно смеётся.

Наследный принц: «...»

Просто бисер перед свиньями.

Он подозвал Цзинь Чжуня и что-то ему шепнул. Цзинь Чжун удалился и вскоре, найдя какого-то молодого евнуха, отправил Гу Чжао следом.

— Молодой господин, Шестой принц действительно придёт? — нервно спросила Би Тао, держа в руках дворцовый фонарь. Они стояли в угловой башне неподалёку от дворца Цзычэнь. — Может, вернёмся на пир?

С тех пор как в их дворе Хэнчжи появились подаренные Шестым принцем сливы, и господин стал сам за ними ухаживать, она кое-что поняла. Сейчас она с тревогой оглядывалась по сторонам, боясь, как бы их не застали придворные дамы или захмелевшие министры, вышедшие подышать воздухом.

— Не волнуйся, сюда никто не ходит, — спокойно ответил Жун Цунцзинь. В прошлой жизни он часто бывал во дворце с Гу Чжао и знал его как свои пять пальцев.

— Шестой принц...

— Его проводят, — уверенно сказал Жун Цунцзинь, стоя у перил трёхъярусной башни.

— Цунцзинь... — раздался сзади взволнованный голос. Порыв ветра донёс с собой аромат солнца и свежей травы.

<http://bllate.org/book/13698/1582626>